

Н. А. Погребная (Минск)

**АНТОНИМИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ СЧАСТЬЕ - НЕСЧАСТЬЕ,
HAPPINESS - MISFORTUNE, РАДОСТЬ - ГРУСТЬ,
JOY - SADNESS В НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Материалом данной работы стали антонимические концепты ‘счастье – несчастье’, ‘happiness – misfortune’, ‘радость – грусть’, ‘joy – sadness’, которые охватывают обширную часть человеческих эмоций и переживаний. Они оказываются втянутыми в сферу концептов ‘судьба’, ‘случай’. Содержание данных концептов настолько широко, что можно отметить связи с другими базовыми концептами и русской, и английской культур.

По структуре паремии, составившие материал исследования, можно разделить на три блока. Первый, наиболее объемный, включает в себя пословицы и поговорки, основанные на противопоставлении концептуальных для наивной картины мира понятий и сущностей. В первую очередь в сознании носителей культуры противопоставляются глаголы, которые выступают как сценарии, по которым разыгрываются счастливые/несчастливые, удачные/неудачные ситуации.

Можно выделить две тематические группы: *смеяться – плакать, выиграть – проиграть*. Первая группа более универсальная, рассмотренный материал показал, что эти процессы как иллюстрации исследуемых концептов характерны для обеих культур. Иллюстрации для ситуаций проигрыша и выигрыша в паремиологическом материале представлены шире. Специфически английским является положение о том, что *избежать беды – это уже выигрыш*.

Универсальным концептуальным противопоставлением можно считать *карты и любовь*, выигрыш в одном исключает удачу в другом. Победу обе наивные картины мира определяют по результату: *хорошо смеется тот, кто смеется последним*.

Напрямую вступают в оппозицию абстрактные понятия. Мнение о том, что невозможно узнать *радость*, не испытав *горя, радости и неприятности* следуют друг за другом является универсальным. *Счастье и несчастье* рассматриваются также в тесной связи друг с другом, но в концептуализации присутствуют различия. Что касается взаимосвязи человека и социума, то семантика универсальна, а способы ее вербализации отличаются. Специфическим для русской культуры является противопоставление *счастье – красота*, а для английской – *счастье – богатство*.

Временные рамки жизни выступают как иллюстрации на основе бытовых ситуаций: *утреннее солнце не на весь день, скверное утро может смениться ясным днем, самое темное время перед рассветом* (англ.), и *будет ночь – будет и день* (рус.).

В концептуализации взаимосвязи *счастья* и *несчастья* участвуют силы природы. Сакрализованная сущность *солнце* противопоставляется *ненастью* и *дождю* в русской наивной картине мира и *тучам* – в английской. В английской паремиологии противопоставлены *буря* и *затишье*. Специфическая зависимость выделена в русском материале – *чем ночь темней, тем ярче звезды*.

Прилагательные, включенные в наивную картину мира обоих народов, выступают как концептуальные характеристики. Вкусовые качества, цвет и определение серьезности подымаются над бытовыми представлениями, основываясь на символических представлениях и ассоциациях.

Второй структурный блок состоит из паремий представляющих собой общие положения. Рассмотренный паремиологический материал можно разделить на несколько тематических групп. Каждая такая группа основывается на каком-либо концептуальном положении или собственно на концепте. В целом семантическая сторона осмысления антонимических концептов ‘счастье – несчастье’, ‘happiness – misfortune’, ‘радость – грусть’, ‘joy – sadness’ имеет много общих черт. Отличия проявляются на уровне концептуализации. Так, иллюстрация концепта *случай* и понятия возможностей (упущенных или использованных) передаются, например, при помощи ситуации ковки железа в русском материале и при помощи дверей и стука в двери – в английском. Само *счастье* воспринимается русскими как помощник, а англичанами как аккомпаниатор. *Бед*а проходит процесс персонификации и может и прийти, и еще одну *беду* с собой привести (привезти на спине в английской картине мира), может учить, ее можно разбудить или потревожить. Отдельный аспект осмысления представлен в тех примерах, где рассматриваются безвыходные ситуации.

Соответственно *удача*, *радость* и *судьба* тоже могут действовать как живые существа. В качестве иллюстраций праздника русские используют масленицу, а англичане – Рождество и воскресенье. Также функционирует и *время* (в русской картине мира *старость*). Наиболее парадоксальным является мнение о том, что *удача* любит *дураков*.

Третий блок состоит из биноминарных (чаще обратных) конструкций, содержащих сравнения. Так, жизнь представляется настолько сложным процессом, что невозможно дать определение «что это», следовательно, дается определение «это не...»: *не поле перейти* (рус.) и *не только пиво и кегли* (англ.). Сравнения также основаны на характеристике объекта сравнения известной всем носителем бытового сознания. *Счастье* в русской текстовой картине мира – не лошадь, т. к. не везет по прямой дороге. Оно, как солнце *то улыбается, то скрывается, а счастье без ума* сравнивается с дырявой сумой. Носители английской культуры отмечают в счастье хрупкость. В беде подчеркивается схожесть с водой, т. е. переходящий характер.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что антонимические концепты обязательно состоят из антонимических пар в силу того, что последние базируются на общей архисеме (в нашем случае это ‘внутреннее состояние’), развивая противоположные значения. В результате в языке появляются новые языковые знаки на линиях ‘счастье – несчастье’, ‘happiness – misfortune’, ‘радость – грусть’, ‘joy – sadness’. Кроме того, в систему концепта втягиваются сакрализованные концепты ‘улыбка’, ‘солнце’, ‘хлеб’. Формируются антонимичные для наивной картины мира пары ‘смех – слезы’ и ‘праздники – будни’ как символы концептов ‘радость – грусть’, ‘joy – sadness’ и пары ‘выиграть – проиграть’, ‘день – ночь’, ‘горькое – сладкое’ как символы концептов ‘счастье – несчастье’, ‘happiness – misfortune’. Некоторые противопоставления, например, ‘на крыльях – на костылях’, ‘капать – лить’ и ‘верхом – пешком’ считаются в полной мере антонимичными только в рамках конкретных паремий. В полной мере реализуется семантическая связь *судьбы (рока), удачи и случая* как неконтролируемых сил, оказывающих влияние на жизнь человека. *Улыбка* в данном контексте выступает как «знак мистической радости, и потому ее смысл уже находится на грани, отделяющей собственно человеческое чувствование от чего-то более значимого и высокого» [2, с. 179], т. е. как позиция просветленной всепонимающей грусти.

В целом необходимо отметить, что в английской наивной картине мира понятия *счастья* и *удачи* сакрализируются в гораздо меньшей степени, чем в русской. Это связано с тем, что в русском языке преобладает пациентивный способ представления событий, т. е.

субъект представлен как неконтролирующий происходящие события. По мнению А. Вежбицкой, «английский язык, напротив, обычно представляет все жизненные события, происходящие с нами, так, как будто мы всецело управляем ими, как будто все наши ожидания и надежды находятся под нашим контролем» [1, с. 56].

С нашей точки зрения, ‘счастье – несчастье’, ‘happiness – misfortune’, ‘радость – грусть’, ‘joy – sadness’ представляют отдельный тип концептов и являются идеальными антонимическими сверхконцептами.

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996, 56.
2. Карасев Л. В. Философия смеха. М., 1996., 179.
3. Хазан А. А. Словарь английских пословиц и фразеологических выражений. См., 2001.
4. Шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў / Рэд. А. А. Ганчаровай. Мн., 1993.
5. Kuskovskaya S. English proverbs and sayings. Mn., 1987.